

Воскресенье.

Марта отсутствовала четвертый день.

Четвертый. Гребаный. День.

Малфой честно пытался отвлечься, но она накрепко засела в голове. Летела на борту его личного бизнес-джета, а он, как идиот, обновлял в ее бокале шампанское и по-светски вопрошал «Как вам погода за окном?». А там уже турбина вовсю полыхает, в уши долбит тревожный сигнал, возвещающий о потере управления, настойчиво мигает кнопка «Пристегните, мать вашу, ремни».

Потому что он должен был пилотировать, а не наслаждаться ее компанией.

Выбирай, куда приземлимся, Малфой. Разъебемся в лесу или побороздим океанские воды?

Полнейший пиздец.

Но его донимали вопросы.

Вот что с тобой случилось, де Веллер? Это по плану или нет? И почему ты, твою мать, не отвечаешь мне?

Снейп тоже отсутствовал, не оставил никаких инструкций. Стало быть, он с ней. Это же должно утешать?

Малфой убеждал себя, что все его переживания из-за матери. Он беспокоился насчёт Нарциссы, и де Веллер была ему необходима, как воздух. Но был и другой момент, обратная сторона медали этой нездоровой помешанности на ней, что выкручивала его извилины со скоростью мотора, затягивала их в тугий узел. Заставляла неустанно, как старый дефектный винил, проигрывать одну и ту же дорожку — тот самый случай в советные, произошедший неделю назад.

Когда он встретил там Марту и пытался расспросить о плане, она лишь покачала головой:

— Пока не спрашивай.

На ней было чёрное пальто с широким треугольным вырезом, под которым виднелась вязка белого кашемирового свитера, и слизеринский шарф со свободным обхватом вокруг шеи — Марта просто накинула его на плечи, обернув разок, и оставила струиться вдоль тела.

Она пыталась погладить Графа. Фамильный филин клонил голову все ниже и ниже, избегая ее руки, и протестуя, резко выкрикивал свое пугающее «кхАа».

КЛАЦ!

— Я ему не нравлюсь, — выдохнула Марта, отдергивая ладонь, когда он щёлкнул клювом.

Малфой смотрел в окно, подставляя лицо морозному ветру. В совятне невыносимо воняло пометом и перьями.

Здесь вообще убираются? Такая помойка...

— Не в этом дело, — и он коротко, звучно свистнул.

Птица встрепенулась, разворачивая голову на 180 градусов, чтобы посмотреть на него своими большими ярко-оранжевыми глазами из-под насупленных, угрожающе изогнутых бровей. С пышными стрелами перьевых ушек над ними.

— Теперь можешь гладить.

Он даже не повернулся проверить, выполнил ли Граф его команду. Он знал, что это не требуется: родовые филины отличались крайне строгой дисциплиной и признавали только носителей фамилии. Это не вопрос предпочтений или симпатии, а особая связь уз. Обучение таких птиц оттачивалось веками.

— Что ты сделал? — с интересом спросила Марта, присев перед филином на корточки.

— Приказал сидеть смирно, — он прищурился, окидывая взглядом простирающиеся перед ним белые шапки гор, и развернулся.

— Но ведь он не хочет, чтобы я его гладила, — с сомнением сказала Марта, всматриваясь в Графа. Его тело неподвижно — только глаза. Он словно под Петрификусом, но без ледяной корки.

— Разве его спрашивают? Это служебная птица, — Малфой сунул руки в карманы чёрного, как у нее, но строгого пальто с высоким воротником стойкой. Оперся одной ногой о стену, чтобы не испачкаться.

— Не будь меня здесь, ты бы даже близко к нему не подошла, — он наблюдал за Мартой.

Салазар, подбери подол... Ты же елозишь им...

А она даже нос не морщила. Но и руки к птице не протянула.

Не брезгуешь, но боишься?

Снисходительная ухмылка легла на его губы.

— Не бойся, сейчас он не укусит, — покровительственно сказал Малфой, чуть склонив голову вбок.

— А ты можешь отменить... свой приказ? — Марта перевела на него взгляд.

Он вопросительно изогнул бровь.

— Зачем?

— Просто сделай, пожалуйста.

— Он оттяпает тебе руку.

Марта отзеркалила его, тоже потянув бровь вверх. Мол «так уж прям и оттяпает?».

Вот ведь упрямая... И за каким хреном мне твои «пожалуйста», если все равно не слушаешь? И за каким хреном тебя слушаю я?

Он вздохнул, закатывая глаза. Свистнул ещё раз.

Филин будто ожил. Расправил мощные крылья, разминая их, потянулся, дернул хвостиком. Присел, словно тоже кутался в одежду, на мгновение довольно прикрывая глаза.

— Граф, — позвала Марта, — я могу тебя погладить? Я не сделаю тебе больно, честно.

Малфой прыснул.

— Твою мать, ты серьёзно сейчас? — сквозь смех спросил он.

— Отстань, Малфой, — краснея, огрызнулась Марта. Она недовольно посмотрела на него.

— Я не понесу тебя в больничное крыло, — Драко нахально улыбнулся, смотря на нее сверху вниз, — мне хватило.

Марта закатила глаза.

— А я прямо сплю и вижу, как бы оказаться у тебя на руках. Больно надо, — она скривилась.

— Не заговаривайся, — беззлобно сказал Драко, — об этом мечтает половина девушек школы, если не больше.

— А я не мечтала и смотри, как получилось, — беспечно промолвила Марта, — даже просить не пришлось. Ведь это было твоё желание.

На последних словах его чуть ли не передернуло.

— Желание, чтобы ты не откинулась? — леденящим тоном в голосе заговорил Малфой, — да, пожалуй, мое, — недовольно сказал он, — стоит быть благодарной за это, не думаешь?

Марта втянула нижнюю губу, шумно вдохнула через нос.

Поняла, что сморозила?

Она посмотрела в сторону, прежде чем:

— Я благодарна, Малфой... — успокаивающе сказала она, и для верности:

— Очень, — находя его глаза.

Он не ответил. Бурил ее взглядом и злился. Но не на нее, а на самого себя, что оказался втянут во всю эту историю. Что теперь она уличала его... В доброте? Слабости?

Но на его месте так поступил бы каждый, верно?

Ему просто хотелось контроля над ситуацией. Разговоры о эмоциях и чувствах — слишком личное. Делиться ими с кем-то, открыться — значит, добровольно отдать бразды правления в чужие руки, стать объектом манипуляций. Ему этого нахуй не надо.

Сделал и сделал. Прими, забудь, но не лезь под кожу.

Когда от дурман-зелья Марту подкосило, Малфой с ужасом подумал, что увидит ее разmozженный череп — с такой силой она приложилась головой. Наверное, именно с того дня он стал неосознанно бережным рядом с ней. Образ Марты вспыхивал перед глазами, обретая черты Нарциссы. Внешне — ни единого сходства. Внутренне — далеко до идеала.

Но о ней хотелось заботиться.

Это что, какой-то синдром спасателя?

— Правда. Спасибо, — продолжала твердить Марта, и он против воли беспомощно вздохнул.

Она просто плавила его броню. Говорила настолько чисто-искренне, что злость топилась, как масло.

— Теперь я могу поговорить не с тобой, а с твоей птицей?

— Да Мерлина ради... — устало огрызнулся Драко, стиснув пальцами переносицу.

Черт возьми, какой херней они занимаются... Он что, в няньки ей записался?

Он пораженно слушал, как Марта уговаривала птицу дать себя погладить. Звучала так, словно убалтывала ребёнка, чтобы он поел. За маму, за папу...

КЛАЦ!

— Ах, черт! — Марта отдернула руку, прикладывая указательный палец ко рту. Он кривил.

— Вот это неожиданность... — саркастически отозвался Малфой, — что я тебе говорил? — он оттолкнулся от стены, подходя ближе.

— Постой, — оборвала его Марта. Она отняла ото рта палец, о чем-то размышляя. И снова...

— Нет, хватит, — твердо сказал Драко, когда она медленно потянулась к филину, — убери. Руку.

Он угрожающе застыл рядом, уже готовый оттащить ее за шкурку, наплевав на приличия.

— Беспокоишься? — Марта хмыкнула, не сводя глаз с птицы, что устрашающе зыркала на нее.

— Я всерьез беспокоюсь, что у тебя нет мозгов, — раздраженно начал он, — вот взбрело тебе погладить его? Ты не...

Граф зажмурился, когда Марта осторожно, едва касаясь, провела ладонью по его коричневой грудке с охристыми и чёрными пятнышками.

— Какого?! — от удивления собственный голос подвел, подскочил.

— Вот так, мальчик... — тихо промолвила Марта.

Пользуясь моментом, она свободной рукой потянулась к пальто, доставая из нагрудного внутреннего кармана письмо.

— Livreras-tu ma lettre? Saint-Raphaël, domaine de Levran de Veller...

Она щебетала на французском, пока называла адрес. Мелодия её голоса ложилась на слух подобно звучаниям арфы — ненавязчивая, плывущая, тонкая. Перебором струн на каждой мягкой «r».

Граф послушно сомкнул клюв на письме и, не дожидаясь команды Малфоя, вспорхнул с места, вылетая из совятни.

— Как ты это сделала? — настороженно спросил Драко.

Марта поднялась, лучась довольной улыбкой.

— Понятия не имею, — взбудоражено ответила она, — наверное, ему надо было привыкнуть ко мне? Все же это не злющий подопытный ворон...

— Это так не работает, — отрезал Драко.

Только если ты не какая-нибудь моя кузина и не использовала Империиус. Но это, блять, невозможно.

Он с подозрением смотрел на Марту, и улыбка на ее губах вяла. Она озадаченно свела брови к переносице.

— Я не понимаю...

Представь себе, я тоже ни черта не понимаю.

Он медлил, не находя произошедшему ни одного нормального объяснения. А потому:

— Забудь.

Ответ ее не устроил. Малфой видел, что Марта собиралась что-то сказать, но в итоге только

досадливо поджала губы. И вглядывалась, вглядывалась... Как тогда, в башне Астрономии. Пыталась понять, в чем причина очередной резкой перемены его настроения и что она сделала не так.

<http://tl.rulate.ru/book/101458/3491980>